

Вначале его тело слегка застыло от робости, но, не встретив сопротивления со стороны Гу Юйчэня, он решил пойти дальше: полностью расслабился, передал ему весь свой вес и прильнул к нему, будто жаждал оказаться в его объятиях.

— Я немного устал, дай прислониться, — сказал Се Янь.

Тело Гу Юйчэня на мгновение напряглось, но, не желая доставлять неудобство Се Яню, он быстро расслабился. Рука, лежавшая на спинке скамьи, беспокойно приподнялась, затем вновь опустилась. Повторив это несколько раз, он наконец легонько коснулся плеча Се Яня.

Он чувствовал, как дыхание Се Яня касается его шеи, словно перо, которое щекочет кожу. Щекотно было не только на шее — щемило и в груди.

Между ними воцарилась странная, глубокая тишина, в которой, казалось, можно было слышать биение их сердец.

Внезапно ладонь Гу Юйчэня легла на глаза Се Яня, заслонив от него всё.

— Скоро будет тринадцать минут четырнадцать секунд, — голос Гу Юйчэня прозвучал суховато, выдавая напряжение. — Можно я тебя поцелую?

Се Янь уже не размышлял о связи между этим временем и поцелуем — он лишь тупо кивнул.

В следующее мгновение горячее дыхание приблизилось, и его губы коснулись сухих, но нежных губ Гу Юйчэня.

Они целовались!

В голове у Се Яня будто взорвался фейерверк. Его руки сами собой обвили шею Гу Юйчэня, а он, запрокинув голову, покорно отвечал на поцелуй.

Сначала движения были неуклюжими, губы сталкивались, и они ненадолго прерывались, но уже через несколько мгновений вновь сливались в поцелуе. Парни, кажется, обладали в этом врождённым талантом — всё выходило само собой. Во всяком случае, теперь, когда они целовались, ни Се Янь, ни Гу Юйчэнь не чувствовали неловкости, полностью передавая друг другу всю силу своих чувств.

К концу поцелуя Се Янь уже не просто прислонился к Гу Юйчэню, а сидел у него на коленях.

Если бы не остатки рассудка, неизвестно, до чего бы они дошли.

Когда после свидания они вернулись домой, губы Се Яня распухли.

Выбравшись из ванной, он наконец вспомнил про те самые тринадцать минут четырнадцать секунд.

Столько времени они просидели на скамейке в парке, но почему именно этот промежуток?

Неужели намёк на «всю жизнь»?

Се Янь достал телефон и поискал ответ в местном туристическом паблике.

— Колесо обозрения на пешеходной улице достигает высшей точки за тринадцать минут четырнадцать секунд.

А-а-а!!

Се Янь схватил телефон и принялся кататься по кровати.

Гу Юйчэнь, да ты просто волшебник!

Сегодня им не удалось прокатиться на колесе обозрения, и Се Янь сожалел, что не поцеловались на самой вершине. Но теперь все сожаления развеялись.

Потому что Гу Юйчэнь воплотил это за него.

В тот же миг Гу Юйчэнь вновь поставил галочку в своей «Энциклопедии любви».

— Второе правило «Энциклопедии любви»: прокати свою любовь на колесе обозрения. Пара, поцеловавшаяся на самой вершине, останется вместе навеки.

Цель на сегодня: поцелуй ✓

Примечание: он боится высоты, ни в коем случае не води его на высотные аттракционы.

Послеполуденное солнце лениво струилось сквозь окно.

Се Янь сидел вдали от подоконника, чувствуя сонливость и расслабленность.

Ли Цзэцинь подкатился к нему на офисном кресле и постучал костяшками пальцев по столу.

— Что? — поднял голову Се Янь, смотря на него заспанными глазами.

— Чем вчера занимался? — Ли Цзэцинь бросил на него многозначительный взгляд, скользнув глазами по лицу и остановившись на шее, словно пытаясь отыскать следы, подтверждающие его догадки. — Небось с Гу Юйчэнем то да сё?

Се Янь зевнул. — Нет.

Просто целовались, да ещё узнал про значение тех тринадцати минут и четырнадцати секунд — вот и не спал ночью от возбуждения.

Услышав, что прогресс в отношениях Се Яня и Гу Юйчэня не такой, как он предполагал, Ли Цзэцинь сперва удивился, но потом всё понял.

— Эх, ты! — сказал он с досадой. — Надейся ты на свои действия так же, как на свои мысли, сегодня, наверное, отпросился бы с работы.

— Я бы и сам рад, — пробормотал Се Янь.

Он и сам хотел бы сразу перейти к главному, ведь Гу Юйчэнь так соответствовал его вкусу. Но таков уж его характер: сколь бы смелыми ни были мысли, когда дело доходит до действий, его словно что-то сдерживает, не давая вырваться наружу.

Ли Цзэцинь знал характер Се Яня и был поражён, когда тот в тот день сам предложил Гу Юйчэню «попробовать».

Невероятно, чтобы такой, как Се Янь, признался в чувствах при первой же встрече!

— О чём ты тогда вообще думал? — Прошёл уже почти месяц, а Ли Цзэцинь всё ещё не мог взять в толк.

Се Янь объяснил просто. — Мы тогда с Гу Юйчэнем не были знакомы. Упусти я этот момент — кто знает, встретились бы мы ещё когда-нибудь?

Шанс ускользает мгновенно, и его нужно ловить.

На самом деле Се Янь изначально хотел просто познакомиться, поставив себе цель раздобыть контакты Гу Юйчэня, а уж сближаться — потом.

Но, оказавшись с ним лицом к лицу, он откуда-то набрался смелости и напрямую спросил, не хочет ли тот «попробовать».

Окажись он сейчас в той же ситуации, возможно, не решился бы на такую прямоту.

Всё-таки красота — страшная сила.

Красота Гу Юйчэня ослепила Се Яня и покорила его сердце.

Почему бы и не попробовать? Не попробуешь — не узнаешь.

К счастью, Гу Юйчэнь тоже оказался очарован красотой Се Яня и согласился.

Ли Цзэцинь, видя, как Се Янь, размышляя, погружается в себя с глуповатой улыбкой на лице, вздохнул. — Эх, дитя выросло — пора отпускать.

Он помахал рукой перед его лицом. — Скоро Дуанью, куда на праздники собрался? Домой поедешь?

Се Янь очнулся, явно не расслышав вопроса.

Ли Цзэцинь повторил.

— Наверное, нет, — ответил Се Янь неопределённо, явно не желая развивать тему. — Как-нибудь решу.

Ли Цзэцинь был не первым, кто задал этот вопрос.

Перед самым концом рабочего дня Се Янь получил три звонка, и все они были об одном и том же — не собирается ли он домой на Дуанью.

Первым позвонил старший брат. Тот сказал, что находится в стране М и на праздники не успеет вернуться, отправил Се Яню крупный красный конверт и велел как следует отметить Дуанью.

Красный конверт от отца пришёл почти одновременно с братским, и сумма в них была одинаковой.

Получив конверты, Се Янь тут же ответил на звонок отца. Тот сообщил, что будет в командировке в городе S и дома не будет.

Ближе к концу рабочего дня Се Яню позвонила мать, госпожа Хао.

— Сяо Янь, ты на Дуанью вернёшься? — её голос звучал мягко.

Дом Се Яня был в столице, путь из города К занимал шесть часов на самолёте. С прошлого Нового года он ещё ни разу не бывал в столице.

— А разве я могу вернуться? — спросил Се Янь, собирая вещи перед уходом и прижимая телефон плечом к уху.

— Что за слова? — недовольно ответила госпожа Хао. — Это твой дом, почему ты не можешь вернуться?

Рабочий день как раз закончился. Се Янь собрал вещи и переложил телефон к другому уху. — Папа и брат уже связались со мной, на праздники их не будет.

На том конце провода наступила пауза, а затем раздался дрожащий, готовый сорваться в плач голос. — Сяо Янь, ты всё ещё не простил маму? Мама признаёт, что была неправа, но ты должен дать ей шанс всё исправить.

Голос её дрожал всё сильнее, будто она вот-вот расплачется.

Се Янь замолчал.

— Сяо Янь, вернись на праздники, дай маме на тебя посмотреть, хорошо? — взмолилась женщина.

Се Янь не отвечал.

— Мама тебя умоляет.

Двери лифта открылись, и Се Янь вошёл внутрь.

— Мам, честно говоря, — опустив глаза, он уставился на свои ноги и принялся постукивать носком левой туфли о пол кабины, — у меня появился парень, и мы на праздники уже договорились куда-то съездить.

Те, кто знал его, понимали: когда он делал это движение, значит, либо лгал, либо терял терпение.

Он не договаривался с Гу Юйчэнем о встрече на праздники — это был просто предлог, чтобы отмахнуться от настойчивости госпожи Хао.

<http://bllate.org/book/16266/1463518>